

Владимир ЕЛИСТРАТОВ

НЕОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ РУССКОГО ЯЗЫКА*

Список слов

ГЛУПОСТЬ, ГОСУДАРСТВО, ГРУСТЬ,
ДЕЛО, ДЕНЬГИ, ДЕРЖАВА,
ДОБРО, ДОЛГ, ДОМ,
ДРУГ и ДРУЖБА, ДУХ

ГЛУПОСТЬ

Казалось бы, слова «глупый», «глупость», «глупец» и другие слова с этим корнем вполне ясны. Глупый значит неумный. У глупого человека ограничены умственные способности. Он несообразителен, бестолков, он совершает поступки, не обнаруживающие ума, лишённые целесообразности, разумной созерцательности: «глупо» себя ведёт, задаёт «глупые» вопросы и т. п.

У слова «глупый» огромный синонимический ряд: «нелепый», «дикий», «идиотский», «дурацкий», «тупой», «тупоумный», «придурковатый», «бредовый», «безголовый», «дубоватый», «с придурью», «без царя в голове», «из-за угла мешком прибитый», «Богом убитый» и проч. и проч. Перечисление подобных синонимов заняло бы несколько страниц.

«Глупость» — это не только «дикость», «тупоумие» и «нелепость», это ещё и «вздор», «чушь», «дичь», «абракадабра», «ахинья», «мура», «околесица», «сапоги всмятку», «бред сивой кобылы». И ещё несколько страниц подобной «чепуховины» и «дребедени».

Владимир Станиславович Елистратов родился в Москве в 1965 году. Окончил филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова в 1987 году. Защитил кандидатскую диссертацию по филологии в 1993 году, докторскую диссертацию по культурологии в 1997-м. Заслуженный профессор МГУ. Преподаёт риторику, семиотику, историю литературы, современный русский язык, культуру речи, лексикографию. Лауреат премии имени Шувалова I степени. Автор книг «Арго и культура» (1995), «Трактат про таракана» (1996), «Словарь русского арго» (1994, 2000), «Язык старой Москвы» (1997, 2004), «Словарь крылатых фраз российского кино» (1999, 2010), «Словарь языка Василия Шукшина» (2001), «Толковый словарь русского сленга» (2010), «Нейминг: искусство называть» (2013, соавт. с П. А. Пименовым), «Словарь жаргона русского капитализма начала XXI века» (2013) и др. Автор более 700 публикаций. Работы переведены на немецкий, венгерский, болгарский, английский языки. Переводчик, поэт, прозаик, эссеист, публицист. Автор сборника юмористических рассказов «Тю! или рассказы российского туриста» (2008), поэтических сборников «Московский Водолей» (2002), «По эту сторону Стикса» (2005), «Духи мест» (2007). Печатается в журналах «Знамя», «Октябрь», «Нева», «Поляна», «Дружба народов», «Наука и жизнь», «АиФ — путешествия», «Аэрофлот» и др., постоянный автор газеты «Моя семья». Живёт в Москве.

* Продолжение. Начало в № 1, 2017.

Создается впечатление, что «глупость», которая умудрилась объединить какую-то неясно чем бредящую «сивую кобылу» с «царем в голове», «абракадабру» (кстати сказать, древнее магическое заклинание) с «ахинеей» (а это — «афинская мудрость!»), не так уж и глупа.

Глупость — это явно нечто большее, чем просто отсутствие умственных способностей. Может быть, нам поможет разобраться в подлинной природе «глупости» этимология этого корня. А она очень необычна и забавна.

Интересно, что корень «глуп» родственен корням «глух» и «глум». Они имеют один индоевропейский исток — «глу» (звучавшее примерно как «гхлу»), а он, в свою очередь, нес в себе, как это ни странно, идею шутки и веселья.

Отсюда — слово «глумиться», которое сейчас в нашем языке очень «сузилось» и значит всего лишь злобно и оскорбительно издеваться, а раньше значило забавляться, веселиться, болтать. «Глум» — это шум, забава, «глумец» — скоморох.

А что делает скоморох? Дурачится, то есть изображает глупого. Вообще смех («хохот», «гогот», «хихиканье» и т. п.) — это всегда своего рода игра в глупость. Шут, «глухой» — это не только тот, который не слышит, но и тот, который как будто оградился от жизни, замкнулся в себе, «прекратился», не имеет выхода. В древнерусском языке «глухими» называли реки, не имеющие исхода («глухой рукав реки»).

«Глухость» — это безразличие, невнятность, смутность, непроявленность, беспросветность: «глух к чужому горю», «глухое эхо», «глухое недовольство», «глухой тупик», «глухой забор», «заглохший пруд». В сущности, «глухость» — это некое затухание, иссякание, иначе говоря — смерть.

Выходит, «глупость» занимает огромное пространство между «глум» и «глух».

Что же получается? С одной стороны, глупость — это смех (то есть одно из самых ярких проявлений жизни), с другой — «обезжизнивание», смерть. Ничего себе диапазон!..

Но на самом деле так оно и есть. Не случайно в русском фольклоре, в русской народной фразеологии нет однозначной оценки глупости. Да, быть глупым плохо, но есть и совсем другие интерпретации глупости, например: «Глупый да малый правду говорят», «Глупый про себя согрешит, а умный многих соблазнит», «Лучше быть глупым, да добрым, чем умным, да злым».

Нет, мы отнюдь не утверждаем, что глупость — это хорошо.

Мы хотим сказать лишь о том, что глупость — не так однозначна и плоска, как может показаться на первый взгляд.

К тому же хорошо известно (эта мысль в разных формах выражалась многими выдающимися людьми), что по-настоящему умный человек не считает себя умным, но никого и никогда не называет глупым, а глупый всегда считает себя умным, а всех вокруг считает глупцами.

Вот такая диалектика.

ГОСУДАРСТВО

Значение слова «государство» в современном русском языке по сравнению с тем, каков его (слова) реальный потенциал, чрезвычайно узко. Можно сказать — убого. Оно — как ссохшийся до размеров несъедобного ореха некогда сочный и вкусный плод.

Сейчас «государство», если сформулировать значение слова максимально просто, — это 1) социально-политическая организация общества и 2) страна с такой организацией.

В обыденном языковом сознании государство в его первом значении, как правило, — обезличенная сила, которая воспринимается либо как «вынужденное зло», либо (что реже) как «добрый волшебник».

В любом случае «государство» противопоставлено человеку. Оно — словно бы принудительный ассортимент. Что-то вроде языческого божка: его надо бояться, но вместе с тем от него ждут и защиты, и даров.

Но ведь в этом слове, в его истории заключено множество совершенно иных, очень глубоких и мудрых смыслов.

Слово «государство» еще триста лет назад обозначало процесс, а не данность, результат. Оно было не статично, а динамично. То есть можно было сказать, к примеру: «Наше государство проходит хорошо».

Государство — это не просто пространство с определенной системой (хорошей или плохой) его управления, но и время, произрастание, становление и т. п. А кроме того — действие, усилия, процесс правления. Словом — жизнь. А не просто безликая сила, по своей неясной воле использующая по отношению к нам то кнут, то пряник.

Далее: слово «государство» (а иначе — «господарство») связано со словами «государь», «господарь», «господь», «господин» и т. д. То есть с личностью. Причем и со Сверхличностью Бога, и с конкретным частным лицом.

Очень важно понять, что «государство-господарство» — это не «монархия», не «царство» (ср. зачин русских сказок «в некотором царстве, в некотором государстве...»), а именно «Личностное Пространство-Время».

Господин — это и глава государства, и глава семьи, и хозяин, и супруг, и собственник чего-либо.

Вполне возможно, что слово «господь» у наших предков (и не только у наших, но и у других индоевропейцев) обозначено гостеприимного хозяина, то есть состояло из двух корней «гость» + «хозяин». Здесь заложена та идея, которая впоследствии будет выражена А. С. Пушкиным в крылатом выражении «все флаги в гости будут к нам».

Некоторые историки языка связывают корень «господь» и со словом «свобода». Что очень показательно и симптоматично.

Государство — это живое личностное (и открытое для других личностей) пространство и время свободы и гостеприимства.

Если мы научимся понимать это слово именно так, то будем жить в совсем другом государстве.

ГРУСТЬ

«Грусть-тоска меня съедает...» — пишет А. С. Пушкин в «Сказке о царе Салтане». И пишет, как всегда, очень точно. Почему? Сейчас разберемся.

Грусть — это чувство уныния, легкая щемящая печать, душевная тревога, тоска.

Вообще: «уныние», «тревога», «печаль», «тоска», «грусть»-«горесть», «кручина», «скорбь» и т. д. — все эти слова вроде бы близки, синонимичны, но, с другой стороны, каждое из них передает что-то свое. «Скорбь» — это явно когда кто-то умер. Собака явно не может «кручиниться», а «тосковать» — может вполне. «Уныние» — смертный грех, а «тревога» — нет. В «тоске» слышится отчетливо что-то скучное, а в «печали» скуки явно нет. И т. д.

Но вернемся к «грусти».

«Грусть» — очень русское слово. У других славянских народов этот корень как-то не прижился. Или прижился в совсем других значениях. Одни славяне вместо «гру-

сти» говорят «смуток» (то есть когда смутно на душе), другие — «туга» (то есть когда на душе туго).

Наши древнерусские предки много веков назад говорили «грущение», «грустость», «сгруститься», «грузский». Причем подразумевалась не только грусть, но и бедствие, беда, тяжесть и даже гнев. «Произошла грустость (беда), и я сгрустился (разгневался)». Примерно так. То есть грусть понималась значительно шире, чем сейчас.

Теперь дальше. В корне «грусть» исконно существовало чередование «у/ы». А теперь догадайтесь, какой современный русский глагол родственен «грусти»... Правильно — «грызть». А еще и «грыжа» (у болгар, скажем, «грижа» — забота, тревога).

«Грызть», «грызться» в древнерусском языке значило не только жевать, есть, впиваться зубами, но и жалить, скорбеть, печалиться. Отголосок этих значений — наш современный фразеологизм «угрызения совести».

«Смута на душе», грусть устойчиво связано в нашем языковом сознании с идеей поедания, «пожирания».

Аналогичный пример. Слово «забота» (в диалекте «зобота») происходит от глагола «зобать» — есть, раскусывать, хлебать, клевать, жадно, торопливо поедать. Соответственно, «зобаться» — беспокоиться, тревожиться, заботиться. Отсюда и поговорка: «Забота не съела, так скука одолела».

Выходит, что грусть (как и забота) — что-то вроде грызуна, который грызет нас изнутри, поедает, лишает жизненных сил, энергии.

Грустить — значит быть поедаемым грустью, чахнуть, гаснуть, хиреть.

В сущности, грусть — саморазрушение, медленное самоубийство. А самоубийство, даже медленное, смертный грех.

От грусти один шаг до уныния (еще одного смертного греха). Кстати, слово «уныние» происходит от «ныть», а этот корень, который в той или иной огласовке присутствует во многих индоевропейских языках, значит губить, угнетать, мучить и, наконец, мертвец, мертвый. Сначала — грусть, потом — уныние. Сначала ты еще живой, затем — нет. Грустно-унылая картина получается.

«Грусть-тоска меня съедает...» — пишет А. С. Пушкин, очень точно передавая исконное, глубинно-этимологическое образное содержание грусти-«людоеда».

Так что «грустить или не грустить — вот в чем вопрос»... И, как вы, надеюсь, уже успели убедиться, отнюдь не риторический.

ДЕЛО

Если попытаться разобраться в значениях слова *дело* — в нем можно буквально утонуть.

Дело — это практическая деятельность, занятие (труд, работа), чья-либо обязанность (долг, задача), поступок, необходимость (потребность, нужда), профессия (область знаний, специальность), предприятие (коммерческое или промышленное), положение вещей (связанное с какими-либо обстоятельствами), факт (происшествие, событие), то, что подлежит судебному разбирательству (а также сам процесс этого разбирательства и собрание документов по нему), сражение (военная кампания, бой)... Существует еще множество других, в том числе устаревших значений.

Дело, дела — это по сути «всё». Мы говорим: *вот такие дела!* *Ну и дела!* Или даже просто *дела!*

Попробуйте дать толкование этому самому *дела!* Не так легко определить, например, междометие это или существительное. Все зависит от нюансов контекста. Неясно, одобряет ли говорящий эти самые *дела* или осуждает их, неподдельно удивляется или язвительно иронизирует.

Ясно, что существительное *дело* связано с глаголом *делать*. Но оно связано еще и с *деть* (*задеть, одеть, надеть* и т. д.), с *одеждой* и даже с частицей *де* (*дескать*), которая первоначально означала «он говорит», то есть *дело* исконно связано не только с *деланием*, но и с *говорением*.

Мы употребляем десятки устойчивых выражений со словом *дело*: *дело в том, что...*, *на деле, ближе к делу, не твоё дело, не у дел, не по делу, на самом деле, мне нет дела до..., дело десятое...* Все это, так сказать, «литературная фразеология». Но сниженный разговорно-просторечно-жаргонный язык тоже активно использует *дело*: *дело пахнет керосином, дело ясное, что дело темное, слово не документ — к делу не пришьёшь, короче: дело к ночи...*

Слово *дело* явно *при деле* (= *при делах*) в современном русском языке. Оно очень многозначно и имеет множество функций (говоря научным языком, «полифункционально»). Но тем не менее нельзя сказать, что с ним все обстоит «безоблачно».

В конце 80-х — начале 90-х годов XX века из всего спектра значений *дела* резко актуализировались те, которые связаны с *делом* как экономическим, финансовым предпринимательством.

И тут произошло следующее.

Русское слово стало вытесняться английским *бизнес*. А что такое *бизнес*? «Предпринимательская экономическая деятельность, приносящая доход, прибыль» (С. Ожегов). Слово *бизнес* твердо заняло свою нишу в русском языковом сознании. Надо сказать, что эта ниша вполне оправдана. Если я говорю *у меня есть своё дело*, то это, конечно, может означать, что я бизнесмен-предприниматель. Но данное выражение может иметь и более «высокий», вернее, совсем некоммерческий смысл. Например, что я коллекционер или писатель. Слово же «бизнес» (не очень, надо сказать, фонетически приспособленное для русского языка) расставляет все точки над «и». У меня может быть какой-нибудь *бизнес* в виде цветочного ларька, который дает мне прибыль, и при этом у меня есть *дело всей жизни* (я пишу гениальный роман). Все логично.

С другой стороны, что такое сейчас по-русски *деловой человек*? Наверное, то же, что *бизнесмен*. Но позвольте: что же такое получается: что все остальные «небизнесмены» не заняты *настоящим делом*? Значит, биржевой спекулянт — *деловой человек*, занятый *настоящим делом*, а выдающийся хирург *делом* не занят? Что такое *деловая пресса*? Это когда про политику и деньги. А «Учительская газета» — это так, для «бездельников-недоделков»?

Конечно, язык сразу реагирует на такую несправедливость. *Бизнесмен* сразу превращается в *бизнюка*. *Деловой человек* — в *деловую колбасу*. Слово *делец* уже давно в русском языке «с душком». Вспомним хотя бы дельца Петра Петровича Лукина из «Преступления и наказания».

Бизнес — необходимая составляющая нашей жизни. Но главное ли это из тех многочисленных *дел*, которые знает наш язык?

Думается — нет.

Есть симптомы и не столь, казалось бы, серьезные. Но все, что происходит с нашей речью, — все это знак, символ.

Почему, к примеру, вместо *дело в том, что...* многие говорят *фишка в том, что...* Это что еще за *фишка*? Что-то вроде «азартного прикола»? Вроде бы пустяк. Но *фишка* идет дальше и все больше теснит *дело*: *как фишка ляжет* (как пойдут дела), *замутить фишку* (начать дело), *просечь фишку* (понять суть дела)... Дальше — потенциально — может получиться *вся фишка моей жизни, завести уголовную фишку, сдать фишки новому директору...*

Не слишком ли много чести этой самой *фишке*?

ДЕНЬГИ

Слово «деньги» — очень непростое. И кроме того, в нем много если не мистического, то уж точно — символического.

Возьмем, к примеру, его этимологию.

Принято считать, что они заимствованы русским языком из языков тюркских. Действительно, оно есть в татарском, казахском, башкирском и многих других языках тюркских (и не только!) народов Евразии.

Но его нет в древнетюркских языках. Значит, оно для тюрков тоже заимствованное. И есть версия, что как раз наоборот — тюрки заимствовали его у восточных славян. И эта версия имеет полное право на существование.

С другой стороны, слово «деньги» из славянских языков только в русском. Даже у белорусов и украинцев — «гроши». Зато корень слова «деньги» присутствует, например, в староперсидском. Может быть, и у русских, и у тюрков оно — оттуда?

В общем — детективная история. Уравнение с несколькими неизвестными.

Но есть совершенно конкретный факт: у огромного количества неславянских народов, населяющих Россию и так называемое ближнее зарубежье, есть это слово.

Между прочим, еще одна версия происхождения «денег» такова: слово «деньги» имеет тот же источник, что и слово «таможня». Значит, создаваемый сейчас таможенный союз — это, в общем-то, «денежный союз»? Возможно.

«Образ денег» в русском языке очень интересен и сложен. Деньги у нас не просто «дензнаки», они — живые, олицетворенные: «Плакали мои денежки», «На торгу деньга проказлива», «Торг без глаз, а деньги слепы», «Денежки что голуби: где обживутся, там и ведутся».

Они, с одной стороны, обладают огромной самостоятельной силой («денежка не бог, а полбога есть»), а с другой — «не деньги нас, а мы их нашли», то есть они полностью зависят от нас.

Деньги — это и очень «много», и очень «мало»: исконно «деньга» (форма единственного числа) — это всего лишь полкопейки, а «деньги» (форма множественного числа) — целое состояние, капитал.

Деньги почти поэтизируются в русской фразеологии («деньги — крылья»), но они же объект насмешки («деньги — прах»).

Они — «добро» («после Бога деньги — первые») и «зло» («много денег — много горя»).

В слове «деньги» сосредоточена глубинная народная мудрость, ведь деньги — это то, без чего никак нельзя прожить, но вместе с тем то, что ни в коем случае нельзя абсолютизировать. Деньги — словно бы «лакмусовая бумажка» человеческого существования. Надо и уметь их зарабатывать и не делать их смыслом жизни, фетишем.

Надо быть экономным и расчетливым и уметь при необходимости расставаться с деньгами.

С распадом Советского Союза деньги стали для многих предметом культа и смыслом жизни. Все это отразилось в языке. Тут же в моду вошли десятки жаргонных синонимов «денег» («бабло», «гринь», «лавз» и т. д.), появились новые выражения, типа знаменитого «Бабло побеждает зло», в которых это самое «бабло» стало выступать в роли «супергероя».

Актуализировались и заимствованные выражения: «Время — деньги» («time is money»), «Делать деньги» («to make money»).

На какое-то время образ денег в языке утратил свою диалектическую целостную, синтетическую мудрость.

Но время идет, и приходит постепенно вновь осознание того, что «всех денег не заработаешь».

Английская поговорка «Время — деньги» подразумевает, что время и эквивалентно деньгам, и наоборот и что отсчет времени (от секунд до лет, десятилетий) равен отсчету денег. Например, секунда — копейка, минута — рубль. И, соответственно, человеческая жизнь как таковая, с ее радостями, любовью, дружбой. Сколько вы отдали за свою жизнь? Не правда ли — некорректный и даже зловещий вопрос. Ведь ваша жизнь — бесценна.

Кстати, как все мы помним, по-русски нельзя спрашивать «сколько времени?» (правильно — «который час?»).

Вроде бы — пустячок. Но, как говорится, «пустячок, а приятно».

ДЕРЖАВА

В современном массовом языковом сознании это слово — 1) высокого стиля и 2) имеющее оттенок значения, который можно охарактеризовать как «мегаломанское». То есть, иначе говоря, держава — торжественный («парадный», «пышный», «помпезный») синоним большого государства, которое «обладает» большим экономическим и военным потенциалом и играет определяющую роль в мировой политике и международных отношениях (С. Ожегов).

Хотя слово может употребляться и употребляется в значении «независимое, самостоятельное государство», а также «его территория», тем не менее в настоящее время актуальны именно указанные стилистический и смысловой компоненты. «Держава» — это прежде всего «Великая Держава».

Это слово — один из ключевых семантических индикаторов современного состояния российского геополитического мышления. Можно с уверенностью сказать, что судьба этого слова наиболее чутко отражает и будет отражать судьбу России в целом.

Просто говоря, ключевой вопрос начала XXI века: является ли Россия «державой» (то есть — «Великой Державой», «Мировой Державой»). На этой «линии семантического фронта» ведутся упорнейшие бои.

С одной стороны, слово есть в гимне («священная наша держава»), оно частотно в речи так называемых государственников («державников»). Вне всякого сомнения, в целом в национальном сознании простых людей Россия — все-таки «Держава». Не случайно так популярно очень точное, ёмкое и, так сказать, перманентно актуальное выражение из фильма «Белое солнце пустыни» «за державу обидно», которое может быть расценено как архетипическое для подлинного патриотизма.

С другой стороны, упорно внедряется мысль, что Россия по отношению к развитым странам больше не Великая Держава (в дискурсе либералов синоним — «Империя»), а просто одна из «рядовых бриксов». Упорно синонимизируются слова «великодержавный» (тут же «выстреливает» — «шовинизм»; ср. также «великорусский») и «имперский» (+ «амбиции»). Дальше идет стандартный прием идеолого-смысловой демонизации: расширяются контексты, и встраивается система перекрестных штампов, вроде «крах великодержавных амбиций» или «родимые пятна великорусского имперского сознания». В этом смысле, в случае «победы» либерального дискурса, судьба слова «держава» будет аналогична судьбе германизма «рейх» в русском языке, который навсегда дискредитирован национал-социалистическим контекстом. Но обстоятельства складываются иначе.

Массовое современное сознание, в отличие от политико-идеологического, все меньше ассоциирует слово «держава» с монархической идеей («держава — золотой шар с короной или крестом наверху — эмблема власти, одна из регалий монарха»). Поколение тридцатилетних не вкладывает в это слово и той «ностальгически-ретроспективной коннотации», которая есть в сознании значительной части стершего поколения. А значит, уже запущен процесс постепенного выздоровления слова. Через некоторое время (судя по всему — примерно через поколение) все антимонархические и антисоветские компоненты смыслов окончательно «выветрятся» и будет возможно возвращение к описыванию исконного этимона.

«Держава» (примерно с XI века) — это 1) основание, основа, «фундамент, то, что поддерживает, то, на чем что-либо держится, и т. п.»; 2) сила, могущество, порядок; 3) владычество, власть. Основные смысловые скрепы слова — 1 и 2. И они находят подтверждение в диалектной и просторечной разговорной речи. «Держава» — это, к примеру, ось колеса, опора (столб и т. п.), «крепость» («надо усилить державу стены»), порядок («нет в этом доме державы»). «Держава» в значении «государство» появляется позднее (прим. в XIII веке). Далее начинается многовековая конкуренция слов «держава» и «государство». В конечном счете «государство» отходит в семантическую зону «этоса» и «логоса», а «держава» — в зону «пафоса», обрастая произвольными эмоционально сильными единицами: «державец» у Пушкина, «державный шаг» (у Блока и др.), «державствовать» (у Суворова и др.) и проч.

«Государство» (первоначально — «господарство») выражает идею персонифицированного управления (Господь, Государь). Это слово как бы «вертикальное». «Держава» (от «держать», «поддерживать») есть выражение идеи поддержания космического порядка (настраивания, наращивания, регулирования, упорядочивания). Государство — это в большей степени тотем и демиург. Держава — культурный герой. Государство — это «госвертикаль», скипетр, жезл, посох (греческое «скептрон»), ствол. Держава — это «держава», то, чем управляют, страна, земная горизонталь, почва, корни. Государство и Держава — это вертикальная и горизонтальная составляющие креста, небесное и земное, дух и тело.

Наверное, целесообразно было бы активно внедрять в речь политиков (и не только политиков) слово «держава» в, казалось бы, бытовых (преимущественно — пространственных) контекстах: «на севере державы», «совершил поездку по державе» и т. п. Нужно приучать людей к тому, что «держава» — это не «потерянный рай», не «ретроплач», не безвозвратно ушедшее прошлое, а нормальная «данность», факт. Поразительно, но в одном из статистических опросов только примерно 45 % школьников знали, что по территории Россия — самая большая страна в мире. Называли Китай, США и даже Индию и Австралию. И около половины считало, что СССР был в 2—3 и даже в 4 раза больше, чем РФ.

Аналогично, на наш взгляд, необходимо поступать и с однокоренными словами («державное развитие», «наш державный туризм» и т. п.).

Полезно было бы и создавать отчасти игровые неологизмы («российско-державные интересы», «грамотно державить», «Медведев отдержавился», «раздержавить американцев», «державка Меркель», «эстонская державка», «Чубайс-нанодержец»).

ДОБРО

Что такое «добро»?

На этот вопрос совсем нелегко ответить. Конечно, можно (и нужно) открыть толковый словарь и посмотреть, что же там написано.

Там написано много всего интересного. Интересно, например, то, что «добро» — это и существительное, и частица, и союз.

Как существительное это слово объединяет и общее, и абстрактное, «идеальное» значение (нечто положительное, хорошее, полезное) и конкретное, «материальное» (вещи, имущество). К тому же есть и третье, ироничное («мне этого добра и даром не нужно»).

В качестве служебных частей речи это слово выражает согласие («добро! договорились») или допущение («пусть, пускай бы»: «добро бы сам работал, а то...»).

Что же такое «добро» — антоним зла, материальный недостаток, согласие, возможность?.. Уж слишком широкий «разнос смыслов». И все же: должна же быть какая-то глубинная связь между «добросердечностью» и «согласен», между «недвижимостью» и «пускай».

И снова ответить на этот вопрос нам поможет этимология, то, что можно назвать генетическим смысловым кодом слова.

В древности, в праиндоевропейском языке, насколько возможно его реконструировать, корень «добр» (он звучал примерно как «дхабх») имел приблизительно такое значение: подходить, соответствовать, быть годным, адекватным, ладиться, согласовываться, если угодно, находиться в гармонии. То есть «добрый» — это тот, который словно бы «в ладу» с миром, тот, кто говорит миру «да!», и мир отвечает ему тем же приветствием, той же частицей.

Максимально обобщая, можно сказать, что «добро» — это взаимное «да!» (= «добро!», «ладно!», «пусть»). Добро — это мир, гармония, космос (в отличие от Хаоса-зла).

Ясно, что в дальнейшем корень приобрел в разных языках, в том числе и в русском, множество самых положительных смыслов. Это: красота, здоровье, качественность, изобилие, доброта, полезность, дружелюбность, знатность, изящество, ловкость, умение...

Может показаться странным, но, например, это слово родственно слову «фабрика», которое происходит от латинского корня и означает «ремесленник», «мастер». Отсюда — мастерство, изделие, изготовленное мастером. А, к примеру, у армян, которые высоко ценят кузнечное дело, «дарбин» (ср. русское «добрый») — значит кузнец.

«Добро» в ряде языков (например, украинское «доба́») — это срок, пора, соответствующий отрезок времени. Скажем, время, подходящее для сева или сбора урожая. Кстати, с русским «добро» и украинским «доба» связано слово «удобный», то есть, опять же, соответствующий, подходящий, ладный, гармонирующий кому-либо или чему-либо.

«Кузнец» и «ладно», «фабрика» и «гармония», «срок» и «красота», «имущество» и «здоровье» — все эти и многие другие «добрые» смыслы объединены одним корнем, который, как некий опять же добрый дух, сохраняет в мире покой и равновесие, противостоя злу, разрушению, обману, хаосу. Он сеет и в языке, и в реальности *добросердечие, добросовестность, добрососедство, доброжелательство, добродушие и добродетельность*. И добрые люди по доброй воле желают друг другу *доброго дня и доброго здоровья*. И *дают добро добрым молодцам*, которые отправляются в *добрый путь* вершить добрые дела.

Так что *добро пожаловать* в реальный мир русского языка. И — в *добрый час*!

ДОЛГ

Это, казалось бы, короткое и ясное слово вызывает у исследователей языка серьезные затруднения.

Вообще «долг» («задолженность», «должный», «должник», «долговой», «долженствование» и т. п.) — один из, как сейчас говорят, «знаковых» смыслов в России и в целом в современном мире.

Дело в том, что «долг» — это и «обязанность», и «задолженность».

В некоторых словарях это слово представлено как одно — многозначное, например, в словаре под ред. Д. Ушакова. В других (к примеру, у С. Ожегова) — как два разных слова, то есть как омонимы.

Различение омонимии и многозначности — это далеко не только сугубо языковедческая проблема. Это проблема глубинная, мировоззренческая. Если мы имеем дело с одним многозначным словом, то его значения связаны друг с другом. Если же перед нами омонимы — связи между их смыслами нет: они словно бы «развелись», навсегда «расстались». Раньше они были «семьей смыслов», а теперь стали «разведенными словами» (или связей между ними вообще никогда не было).

Ясно, что в русском языке «долг-задолженность» и «долг-обязанность» — это один корень, а не случайное совпадение, как «коса» и «коса» или «Том» (и Джерри) и «том» (энциклопедии). В других языках это совсем разные корни, даже никакие не омонимы (скажем, в английском: «debt» и «duty»).

Действительно: есть ли какая-нибудь связь между «влезть в долги» и «гражданский долг», между «жить в долг» и «отдать последний долг» (почтить память умершего), между «платить по долгам» и «по долгу службы»?

Вроде бы «долг-задолженность» — это что-то «материальное», чаще всего — деньги, а «долг-обязанность» — что-то «идеальное», «высокое». Но тогда что такое «быть в долгу перед кем-нибудь» и «не остаться в долгу у кого-нибудь»? Это про что — «про деньги» или про мораль и нравственность?

В школе все читали «Капитанскую дочку» А. С. Пушкина, и все помнят, что одна из главных мыслей этого произведения выражена русской народной пословицей, вынесенной автором в эпиграф: «Долг платежом красен».

Каков был «долг» и каков — «платеж» в «Капитанской дочке»? Гринев дал Пугачеву заячий тулупчик, стакан вина и совсем немного денег, а Пугачев Гриневу — жизнь и счастье (в виде Маши Мироновой). По сути, «материальное» («задолженность») было обменено на «духовное» («обязанность»).

«Долг» — это то, что «дóлжно» сделать, то есть во что бы то ни стало «следует», «надо». В слове «долг» содержится неотъемлемая нравственная составляющая, то, что немецкий философ Иммануил Кант называл «категорическим императивом». И нет никакой «моральной разницы», должен ли ты отдать три рубля соседу или выполнить гражданский долг защиты Отечества. Великий «нравственный императив» действует в обоих случаях.

В последние десятилетия, конечно, многое изменилось, сместилось в восприятии слова «долг». Как только иронически не перевирали пословицу из «Капитанской дочки» («долг платежом (и даже — утюгом) страшен» и т. п.). Для многих стало обычным, естественным, само собой разумеющимся представление о том, что жить в долг (в кредит) — это нормально. Если уж самое богатое государство в мире — США — имеет самый большой госдолг, то что же стесняться нам, «грешным» (кстати, одно из значений слова «должен» в древнерусском языке — «грешен»)! Правда, существует такой афоризм, «Если брать в долг, то только в государственном масштабе, иначе придется его отдавать». Но он мало кого останавливает, как мало кого останавливает и множество других пословиц и поговорок, говорящих на разные лады о том, что брать в долг опасно, что долг разрушает дружбу и т. п.

Слово «долг» в значении «задолженность» все чаще вытесняется «материально-деловым» для русского уха словом «кредит». Хотя слово «кредит» происходит от

высшей степени «идеально-нравственного» латинского корня «credo» — вера, верить — и триста лет назад, при Петре I, появившись в русском языке, оно означало не что иное, как «авторитет», «уважение» («у него большой кредит» = «он пользуется высоким уважением, которого достоин»).

Так называемый мировой финансовый кризис — это кризис жизни не по средствам, жизни огромного числа людей, организаций, фирм и целых государств в долг. Когда есть «долг-задолженность», а чувства «долга-обязанности» отдавать «долг-задолженность» нет. «Debt» есть — «duty» не надо.

И, наверное, пословица «Долг платежом красен», где «долг» — все-таки многозначное слово, а не один из омонимов, может стать отличным эпиграфом для программы выхода из мирового кризиса. И «финансового», и нравственного, мировоззренческого, духовного.

ДОМ

Слово «дом» — одно из самых важных в нашем языке.

Что оно обозначает?

Казалось бы, все просто: дом — он и есть дом. «Дом, в котором мы живем». «Дом, который построил Джек». «Как в лучших домах Лондона»...

Но если внимательно взглядеться, вслушаться и вдуматься в данное слово, то окажется, что «дом» — это практически... всё.

Судите сами.

Во-первых, «дом» — просто строение, здание. То есть некая оболочка, некое определенное ограниченное пространство, где можно разместить, к примеру, предприятия или учреждения. Отсюда «дом техники», «дом культуры», «дом просвещения», «дом учителя», «дом отдыха»... Бывают еще и «дома скорби» (сумасшедшие), и «желтые дома» (публичные), а также «казенные», «ночлежные», «воспитательные» и т. д. В принципе к слову «дом» можно подставить любое прилагательное в именительном падеже или существительное в родительном — и это словосочетание обязательно будет что-нибудь значить, будет потенциально осмысленным. Например, «сладкий дом» или «дом морковки». Наверное, первый будет связан со сладостями, а второй — с морковью. Есть же бесконечные «дома мебели», «дома плитки» и проч. и проч. Чем морковка хуже мебели?

Во-вторых, дом — это там, где живет а) человек, б) люди, связанные родственными отношениями, семья. Получается, что «дом» — главное место человека на земле, а кроме того — то место, где соединились самые близкие для этого человека люди. Дом — «место жизни» и «место кровной связи людей».

Все мы помним одну из важнейших книг Древней Руси — «Домострой». О чем эта книга? О том, как правильно «обустроить» себя и семью, организовать пространство жизни.

Существует и еще одно, ныне, к сожалению, стремительно устаревающее значение этого слова — «род», «династия», «фамилия». Мы до сих пор говорим, изучая историю: «дом Романовых», подразумевая царскую династию. Это значение широко используется, кстати, в бизнесе. «Дом Версаче», то есть династия предпринимателей-модельеров.

Давайте и мы не будем стесняться и употреблять слово «дом» в этом значении. Так и говорить: «в нашем доме Ивановых было немало искусных столяров» или «наш дом Петровых славится несколькими поколениями изобретателей». Чем «Иванов» хуже «Версаче»?

Мы видим, что дом — это и а) пространство-символ любой сферы человеческой жизни, то место, где люди объединяются, связываются на основе этой сферы, от изобретательства до отдыха, от учительства до продажи сантехники, и б) пространство-символ частной, личной жизни человека, и в) пространство-символ кровной связи людей, родства, родственной преемственности.

Получается, что, в общем-то, кроме дома (вернее — Дома), ничего на свете и не существует. Он — пространство-время личное и пространство-время общественное.

В древнерусском языке, помимо значений «строение», «жилище», «хозяйство», «семья» и «род», это слово значило еще и «храм». А хоронили людей в «домовине», то есть в гробу, «доме смерти». Получается, что дом — это и жизнь, и смерть, и светская жизнь, и религиозная, и частная, и общественная. Не случайно корень «дом» вероятно производителен: *домотканый, домовый, домовитый, домушник, бездомный* и т. д. и т. п.

Школьник делает «домашку». Карлсон называет фрекен Бокк «домомучительницей». Можно сделать «брови домиком». Корень этот поистине неисчерпаем.

Давайте же и использовать его максимально широко, творчески.

Немецкому философу Хайдеггеру принадлежит знаменитое определение: «Язык — это дом Бытия». Это значит: мир живет в языке. Как джинн в волшебной лампе.

Мир, Вселенная, жизнь становятся осмысленными и прочувствованными, а значит — «домашними», родными нам только в нашей речи.

Произнесите (или напишите) слово «дом» — и представьте, что в этих трех звуках (буквах) вся Вселенная.

У индусов есть «ом». Вернее — «аум». Магическое слово-символ-вместилище всего мироздания. У нас есть «дом».

Чем «дом» хуже «ома»?..

ДРУГ и ДРУЖБА

Этот древнейший индоевропейский корень исконно был связан с идеей поддержки, «держания», «подпираания», опоры. Друг — это то (тот), на что (кого) можно опереться.

Что такое «дружить»? Дружить — значит поддерживать друг друга, опираться друг на друга, держаться друг за друга.

Очень симптоматично, что дети чаще говорят не «дружить», а «дружиться» («Давай дружиться!»). Устами младенца глаголет истина. В древнерусском языке был как раз глагол «дружитися», а глагол «дружить» имел более узкое и не такое глубокое значение: быть дру́жками на свадьбе (дружка — это свадебный распорядитель, приглашаемый женихом, что-то вроде шафера или тамады).

Итак, в этом корне заложена идея неразрывной взаимосвязи. В принципе можно сказать, что слово «дружба» («дружить») — самое «системное» слово языка.

Что такое система? Это взаимосвязанные элементы (минимум — два). Если А, то Б, если Б, то А. Если один из друзей не друг («и не друг, и не враг, а так», как в песне В. Высоцкого), то дружбы уже никакой нет. Нельзя дружить «в одну сторону».

Люди везде и всегда понимали и чувствовали, что самое надежное в человеческих отношениях — это как раз такая «системная взаимосвязь». Измена, предательство всегда считались страшным грехом. Вспомним хотя бы, пожалуй, самое известное предательство в истории человеческих предательств Иуды Искарота. Да и Каин, убивший своего брата Авеля, тоже был предателем.

Поэтому это корневое гнездо стало одним из самых «востребованных» в индоевропейских языках. Оно имело, помимо тех значений, которые оно имеет в современном русском языке, множество смысловых «изводов». Например: отряд, муж, сонаследник, добиваться, князь, общительность, соединяться, оказывать военную поддержку, сильный, крепкий, прочный, выполнять приказание и др.

Дружба — понятие универсальное, оно объединяет и отдельно взятых людей, и страны, народы («дружественные страны», «дружба народов», «содружество государств»), и людей со всем миром. Мы говорим: «друг свободы», «друг степей», «дружить со спортом», «зеленый друг» (о деревьях, растениях), «четвероногие друзья». Мы можем обращаться словами «друг» и «друзья» к совершенно незнакомым людям, выражая свою доброжелательность, расположение.

Жалко, что многие слова с корнем «друг» в современности либо утратили ряд своих значений, либо просто ушли из употребления.

Например, слово «дружень». Это раньше была «военная дружина», и «пионерская», и «добровольная народная» (которую, кажется, начинают возрождать), и «ледовая» (в хоккее). Дружина — это и артель, и жена, и подруга, и община. Было такое мужское имя — Дружчик Дружкович. Красиво.

Сейчас слово «дружина» употребляется значительно реже. Существовали, но исчезли из нашей речи такие слова, как «друзяка», «дружелюбивый», «дружий», «дружник», «друголюбивый», «другобица», «другиня», «дружененавидец» и множество других.

И все же корень активно живет. Вспомним: мы живем в России, а Россия входит в *Содружество Независимых Государств*. По сути дела, огромная Евразия от Камчатки до белорусских лесов и от Ледовитого океана до Памира объединена этим корнем.

Так что: «Ребята, давайте жить дружно».

ДУХ

Данное слово, как и родственные ему «дуть», «душа», «дышать», «дыхание» и др., индоевропейское.

Очень характерно полное расхождение в судьбах данного корня у славян (и ряда других индоевропейцев) и германцев.

У славян протоконцепт «духа» сомкнулся со сферой «человеческого», а у германцев — со сферой «звериного», «животного». В различных германских языках этот корень дает рефлекс в значениях «зверь», «утка», «олень» и т. д. и т. п., то есть то, что дышит (ср. «всякое дыхание да хвалит Господа»). Так же, как в латинском (*animus — animal*).

В русском языке слово «дух» в силу своей непростой судьбы, полной то сакрализирующих, то десакрализирующих коллизий, очень многозначно, полиденотативно и еще более поликоннотативно.

В целом все обилие значений можно свести к четырем блокам: 1. то, что связано с внутренней жизнью человека (душой); 2. то, что связано со стихией воздуха и, соответственно, дыхания; 3. то, что связано с истинным, глубинным смыслом, сущностью («дух романтизма»); 4. то, что связано с высшими, «бесплотными» и «сверхъестественными» сущностями. Условно говоря: Душа — Воздух — Смысл — Бог. Четыре онтологических (бытийных) столпа. Главные «онтономы» русской идеи.

Семантику «духа» в русском языке можно охарактеризовать как некий базовый русский. «Онтологический (Бытийный) Квадрат» (ср. пресловутый «Черный

квадрат» Малевича). Человек Дышит (душой) и постигает Смысл Бога. Или: Бог через Дыхание (свое) дарует Человеку Смысл. Или: Дыхание Бога есть Смысл (существования) Человека. Каждый из элементов Квадрата, помимо своей сущности, трехипостасен. Душа человека есть и Дыхание (воздух), и Бог, и Человек. Дыхание (воздух) есть и Смысл, и Бог, и Человек. Бог есть и Дыхание, и Душа, и Смысл. Смысл есть и Бог, и Дыхание (жизнь), и Душа.

Интересно, что исконно библейское «В начале было Слово (Логос)» по-древнееврейски звучит как «в начале было Роах Элохим», то есть дуновение Бога. То есть Логос — это как бы «Боговоздух», которым впоследствии будет дышать человек, познавая смысл бытия.

Символично, что мы имеем шесть обоюдных (то есть 12) онтологических векторов. Причем многочисленные, можно сказать, бесконечные, словообразовательные, идиоматические и окказионально-авторские модели с данным концептом в русском языке развиваются строго по этим векторам.

Человек «устремляется к Богу», «душа просит воздуха» («душа никак не надышится»), «ангел по душе прошел босиком» (В. Шукшин; у него же «умная, то есть «осмысленная» душа» и т. д. и т. д. Стилистика Н. Лескова, В. Хлебникова, А. Платонова и многих других писателей строится, в сущности, на вербальном «проявлении» данного «Онтологического Квадрата».

Смысловые десакрализирующие наслоения, вроде слова «духовность», ставшего в современном языке семантической пустышкой (абстрактный суффикс «ость» зачеркивает иконическую конкретность слова «духовный», ср. «духовное пение», «духовное подвижничество»), можно сравнить с поздними подмалевками на древней иконе.

С нашей точки зрения, первоочередная задача — вычленение подобных черно-квадратных «подмалевков», то есть, по сути, реставрация русской Смысловой (Бытийной) Иконы.